

До первой зорьки

Тэми Ли

До первой зорьки

«Автор»

2026

Ли Т.

До первой зорьки / Т. Ли — «Автор», 2026

Ярина — наследница Бабы-Яги, которая оставила ей в наследство Избушку на курьих ножках. Но это не простая изба — это постоянный дом для мёртвых, последний приют для душ. Здесь души находят временный покой перед тем, как отправиться в загробный мир. Ярина принимает их, кормит хлебом и киселём, укладывает спать в светёлке, а до первой зорьки провожает к реке Смородине, где лодочник Радомир переправляет их в Навь. У каждой души есть своя история, своя боль. И Ярина, как хранительница Избушки, вынуждена принимать на себя эту боль, прядя из людской кручины кудель для получения монеты и оплаты лодочнику. Выкручиваясь из ситуаций в должности новой хозяйки границы между Явью и Навью, она ежедневно выполняет свою работу, но с каждым днём чужая боль всё сильнее меняет её. И больше всего на свете она боится одного — стать старой и злой, как Яга, которая оставила ей эту ношу. «До первой зорьки» — мрачная славянская фэнтези-драма о наследстве, которое становится проклятием.

© Ли Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Тэми Ли

До первой зорьки

Глава 1

Расписные ставни распахнулись. В оконном проеме показалась бабушка в нарядном кокошнике. Подперев щеку ладонью, она хитро прищурилась и завела нараспев: — В стародавние времена, когда мир был моложе, в некотором царстве, в некотором государстве жила-была девица Ярина... За ее плечом тут же засуетился, подпрыгивая словно на пружинах, говорящий черный кот с драным ухом: — А про меня? Про кота Баюна расскажи! Я там тоже был! Между прочим, почти главный герой! Бабушка не повернула головы, лишь усмехнулась краешком губ: — Всему свой черед. Сперва про нее, а уж потом и про твои подвиги... Денно и ночью Ярина маялась от скуки, да ни за какую работу браться не желала. Родительская любовь и чрезмерная забота берегли ее все восемнадцать лет, оттого и выросла она своенравной, упрямой и капризной. Не была она ни злой, ни доброй, ни писаной красавицей, ни дурнушкой — обычная девка, каких немало. А на самой границе Яви и Нави доживала свой век дальняя родственница семьи. Старая ведунья давно искала, кому передать колдовское ремесло, да только никто из родни не соглашался отдать детей на служение в Избушку на курьих ножках, чтобы коротать век на перепутье и провожать бесплотные тени в царство мертвых. Едва Ярине минуло восемнадцать, глухой безлунной ночью на отчий дом налетела стая черных воронов. Ветер завыл в трубе, согнул вековые березы под окнами, забился под резную стреху и заколотил ставнями. Тяжелый шум сотен крыльев и злое карканье заглушили все вокруг. Ярина до одури боялась нечисти и всякого потустороннего шороха. Онемев от ужаса, она вжалась в угол горницы, судорожно обхватив себя руками. К ней испуганно прижался младший братец, рядом замерла бледная мать, а отец сжимал в кулаке деревянного чурка-оберег, шепча защитную молитву. Птицы вихрем ворвались в избу через распахнутую трубу и волоковое оконце. Закружили под потолком, взбивая воздух и осыпая пол смоляными перьями. Самый крупный ворон спикировал на стол, с глухим стуком уронив свиток темной бересты, перевязанный угольно-черной нитью. Ярина похолодела. По давним рассказам старших она знала: это вестники бабки, которую все звали Ягой. И в свитке крылась ее непреклонная воля. Птица требовательно и хрипло каркнула, сорвалась с места и вылетела во тьму, увлекая за собой остальную стаю. В горнице повисла звенящая тишина. На столе, рядом с берестой, лежал тугой клубок черных шерстяных ниток. Ярина на негнувшихся ногах подошла к столу, сорвала путы и развернула свиток. Руки ее задрожали, а дыхание перехватило: старая Яга решительно завещала ей Избушку... либо велела броситься в волны морские. Такого страшного условия ведунья прежде никому не ставила. Видно, вконец отчаялась найти преемницу. Удушливый страх сдавил горло, сердце заколотилось в висках. Провожать мертвецов каждую ночь на краю Нави казалось верной гибелью. — Я продам Избушку и вернусь, — выдавила Ярина, взглянув на родителей. — Или найду в лесах другую дуру на это место. Отец с матерью переглянулись с тяжелой тревогой, но удерживать не посмели — с проклятием Яги не шутят. Ярина, пряча собственные слезы, быстро собрала в дорогу холщовый узелок: ломоть хлеба, травы-обереги и злоесть берестяной наказ. Она крепко, но быстро обняла родителей, боясь дать слабину. — Возьми меня с собой! — вдруг пискнул братишка, дергая ее за расшитый рукав. — Я тоже хочу на живую Избушку поглядеть! Ярина опустилась перед ним на корточки и заглянула в круглые сияющие глазенки: — Нельзя, глупенький. Вот вернусь — все-все тебе расскажу. Хочешь, гостинец принесу? Мальчишка на миг насупился, а потом расплылся в улыбке: — Принеси то, не знаю что! Ярина против воли прыснула со смеху. Следом тихонько, с робким облегчением улыбнулись и родители, словно

липкий страх на мгновение отступил от избы. — Одно или два? — подмигнула она. — Два! — выпалил братец, сияя от собственной хитрости. — Договорились, — Ярина хлопнула по его маленькой ладошке, выпрямилась и шагнула за порог. Опустив черный клубок на траву, она глухо приказала: — Веди к Избушке. Клубок ожил, дернулся и плавно покатился вперед, разматываясь по дороге. Ярина поправила лямку узелка и пошла следом, не оглядываясь назад. Если повернет голову, то уже не сможет сделать ни шагу. * * * Путешествие вскоре превратилось в сущую муку. Ярина все отчетливее понимала, что клубок нарочно ведет ее кругами. Он словно выискивал самые гиблые тропы, заводил то в вязкую топь, то на осклизлые каменистые кручи, то в чащу, где в траве дурно жужжала и норовила впиться в кожу болотная мошкара. На топких гатях и кручах клубок прибавлял ходу, а на сухих полянках лениво замирал, будто дразнясь. Когда шерстяной проводник в очередной раз заманил ее по колено в чавкающую жижу, Ярина не выдержала: — А ну стой, комок шерсти! Веди нормальной дорогой, кому говорю! Она сердито утерла взмокший лоб рукавом. Припасы из узелка кончились еще на третий день, от голода кружило голову, а ноги гудели так, будто налились свинцом. Клубок же вел себя так, будто все шло по плану. Услышав окрик, шерстяной путеводитель резво перемахнул на сухой кочковатый берег и юркнул в терновый куст. Ярина от неожиданности даже рот открыла. Как выдрав сапоги из жадной болотной тины, она выбралась на суходол и подошла к колючим веткам. Нагнулась, заглядывая в полумрак между корнями. Клубок откатился к самому стволу так, чтобы не достать рукой. — Ладно, будет тебе, — тяжело вздохнула Ярина, стараясь говорить мягче. — Но ты ведь сам виноват! Кружишь без толку, словно дороги не знаешь... Мысль обожгла ее внезапной догадкой. До этой минуты ей и в голову не приходило, что колдовство может пойти наперекос. — И чего бабуся не послала за мной гусей-лебедей? — проворчала она себе под нос. — С ними хоть не пришлось бы месить эту грязь. Ветки дрогнули. Клубок обиженно дернулся и забился в самую гущу колючек. — Ну и характер! — протянула Ярина, безуспешно пытаясь дотянуться до него кончиками пальцев. — Вылезай давай, нам идти надо. У меня в животе уже урчит. Черная шерсть осталась неподвижной. Поняв, что путеводитель ждет чистосердечного покаяния, Ярина сложила руки на груди и выдавила с виноватым вздохом: — Прости меня, пожалуйста. Я была не права. Ты отличный клубок, а я погорячилась. Черная нитка дрогнула, и клубок не спеша выкатился из укрытия. Нетерпеливо подпрыгивая, он взбежал на вершину холма и замер, дожидаясь, пока спутница на негнущихся ногах доковыляет следом. «Ягин подарочек, — с досадой подумала Ярина, отирая пот со лба. — Вся в хозяйку, та еще вредина». Они снова петляли по оврагам и перелескам. Впрочем, путеводитель сменил гнев на милость и к вечеру он привел ее к зарослям, усыпанным крупными иссиня-черными ягодами. Ярина набросилась на них с жадностью голодного волчонка. — Хоть бы хвост не вырос, — усмехнулась она, разглядывая перепачканные темным соком пальцы и надеясь, что ягоды не ядовитые. Однако к утру тропа вовсе растворилась в буреломе. Заподозрив, что проводник опять кружит на одном месте, Ярина задрала голову и окликнула стаю черных птиц, дремавших на ветвях старого дуба: — Эй, воронье! Подскажите, куда идти к Избушке на курьих ножках? Снизу раздался сухой шорох. Клубок возмущенно подпрыгнул, свернул в густую траву и замер намертво. Ярине на миг даже померещилось, будто из спутанных нитей на нее с горьким упреком глядят невидимые черные глаза. Одна из ворон, раскатиисто грассируя, ответила с ветки: — Кар-р, держи вправо, потом через овражек выйдешь на погост. Через него и ступай. — На погост? — переспросила Ярина, чувствуя, как на затылке зашевелились волосы. Птица склонила голову набок, уставившись на нее круглым блестящим глазом: — На погост, девица. А как иначе-то? Иди мирно, да смирно. — Мертвецы нынче беспокойные, буйные, — каркнула вторая ворона, чистя клюв о кору. — И клубок свой крепче держи, из рук не выпускай, а то утянет... У Ярины оборвалось сердце, колени предательски ослабли, а по спине прокатился ледяной озноб. Она до дрожи боялась кладбищ, боялась мертвых и всякой нечисти. — А другой дороги нет? — голос ее сорвался на шепот. — Кар-р! Есть и другая, да не про твою

честь. Через погост прямиком выйдешь. А в обход и до зимы не доберешься. На подступах к погосту тропа оборвалась. Впереди непроглядной стеной стояла сырая тьма. Ярина обеими руками прижала шерстяной комок к груди, чтобы тот снова не заупрямился. Во рту пересохло, сердце гулко колотилось у самого горла, а дыхание перехватывало от ужаса. Никогда в жизни ей не приходилось в одиночку, глухой безлунной ночью, ступать на землю мертвых. — Нет, — прошептала она, пятясь назад. — Не пойду. Домой вернусь! Никто не заставит меня прыгать со скалы. Пусть эта бабка сама со своими костями разбирается! Словно уловив малодушие, клубок сердито выскользнул из одеревеневших пальцев и юркнул во тьму, прямо меж могильных холмов. — Ну и катись! А я останусь! — процедила Ярина сквозь стиснутые от дрожи зубы. Она резко развернулась и бросилась прочь. Сбежала на дно оврага, пронеслась мимо трех вековых сосен и вломилась в чашу, где на сухих сучьях чернели силуэты птиц. Внезапно из лесной глухомани, прямо из тумана между стволами, зазвенели гусли и сухой перестук трещоток. К ним прибавился тонкий детский хохот. Ярина зажмурилась, надеясь избавиться от морока. Стоило ей открыть глаза, как земля под ногами поплыла. Бледные полупрозрачные тени — дети-навьи в истлевших рубахах — сомкнули вокруг нее кольцо. Они понеслись по кругу с безумной быстротой, подхватывая Ярину в свой бешеный пляс. Вороны с ветвей сорвались с хриплым карканьем, взбивая крыльями морозный воздух. Гусли звенели все яростнее, трещотки сыпали частым сухим дробным стуком, а ледяные голоса колоколами отдавались в ее висках: — Ох, не скрыться, не уйти, Ягу тебе не обойти. В море прыгнешь, да беда — К ней придешь уже мертва! Ярина до боли зажала ладонями уши, зажмурилась и стиснула зубы, которые все равно выбивали мелкую судорожную дробь. Наконец она не выдержала и в отчаянии закричала: — Хватит! Я пойду! Слышите? Пойду дальше! Морок оборвался в то же мгновение, словно захлебнулся. Замолкли гусли, растаял детский хохот. Лишь всполошенные вороны с шумом и сухим шелестом опустились обратно на голые сучья. Что-то мягко, но ощутимо ткнуло Ярину в щиколотку. Вскрикнув от неожиданности, она подскочила на одной ноге и круто развернулась. В траве невинно лежал черный клубок. Одарив птиц сердитым взглядом, Ярина подобрала беглеца и торопливо пошла назад — мимо трех сосен, через дно оврага, прямиком к темной границе погоста. Сердце все еще колотилось о ребра, но после пляски навьев стылый страх сменился угрюмой покорностью: выбора ей действительно не оставили. Земля холодила ступни через тонкую подошву обуви, вокруг стояла непроглядная, вязкая тьма. Небо без звезд и луны нависало тяжелым саваном, а из могильной тишины тянуло сыростью и тлением. Ярина так сжала клубок, что ногти впились в шерсть. Почувствовав, как путеводитель обиженно задергался, она торопливо погладила вздыбленные нити, умиряя его нором. Она сделала еще несколько шагов, споткнулась о кочку и полетела вперед. Судорожно прижав клубок к животу, Ярина рухнула на колени, ободрав ладони о твердую землю. Распахнув глаза, она увидела прямо перед своим носом замшелый скол могильного камня. Подавив рвущийся наружу крик, девушка отпрянула и бросилась вперед, выставив перед собой свободную руку. Однако погост словно не имел края. Могильные холмы тянулись бесконечной чередой, смыкаясь за спиной и путая следы. И тут Ярина вспомнила наказ деревенской знахарки — матушкиной матери: «Коли закружил тебя лешак или морок погостный дорогу отвел — сыми платье, выверни наизнанку и надень задом наперед». Она торопливо опустила клубок на землю, сдернула через голову платье, вывернула грубыми швами наружу и натянула обратно. Не успела она перевязать пояс, как шустрый шерстяной комок уже юркнул вперед по черной траве. — Стой, кому говорю! — зашипела Ярина, бросаясь вдогонку. Клубок катился споро, разматывая нить, а Ярина едва поспевала за ним в темноте, боясь потерять из виду черную полоску следа. Внезапно клубок застыл, ткнувшись во что-то темное и неподвижное. Ярина остановилась и замерла, оледенев изнутри. Перед ней высился мертвец. Рубище на нем висело клоунами, свалаявшиеся седые космы закрывали лицо, а из-под них глядели мутные, остекленевшие глаза. Землистая кожа была испещрена язвами и рывтинами. Покойник стоял неподвижно,

слепо поводя головой и пытаясь понять, что задело его ноги. Ярина сделала осторожный шаг назад, и ее спина уперлась во что-то холодное и податливое. По шее мазнуло тяжелым трупным смрадом. Медленно обернувшись, она увидела прямо над собой вторую тень. Нервы не выдержали. Ярина пронзительно вскрикнула. Защитный морок платья больше не спасал, и крик выдал живую душу с головой. Оба мертвеца разом шевельнулись и потянулись к ней. Ярина пригнулась, проскользнула между их негнушимися телами и едва не свалилась в свежую яму. Но вокруг уже пробуждался весь погост. Земля глухо стонала, из заброшенных могил, из-под кривых крестов и провалов с хрипом и утробным рычанием поднимались десятки теней. Они смыкали кольцо, слепо вытягивая вперед скрюченные синюшные пальцы с почерневшими ногтями. «Только выберусь, — в яростном отчаянии подумала Ярина, пытаясь, — своими руками бабку со скалы спихну!» Нежить наступала плотной стеной. Позади уже выросла живая изгородь из истлевших тел; спереди, перекрывая последний просвет, шаркали двое рослых мертвецов, наклоняя головы для броска. Чьи-то ледяные пальцы уже коснулись ее плеча. И в этот миг над могилами поплыл густой, бархатный напев. Он звучал тягуче и плавно, словно кто-то лениво мурлыкал в самой гуще мрака, растягивая каждое слово заклęcia: — Баю-бай, баю-бай, Нежить, очи закрывай, В землю черную ступай, До рассвета не вставай... Звук стелился над мерзлой травой подобно усыпляющему туману. Мертвецы застыли на полушаге. Их вытянутые руки бессильно повисли вдоль тел, головы безвольно склонились набок, а колени подогнулись. Один за другим они начали тяжело оседать в траву, словно из них разом вынули неживую силу. Ярина, осев на колени между холмами, услышала совсем рядом сытое, низкое урчание: — Мр-р-р... Мр-р-р... Из темноты, ступая на двух задних лапах, важно вышел огромный черный кот. Его круглые глаза в полумраке полыхали раскаленными углями. — Баю-бай... — допел он уже тихим, усыпляющим шепотом, и последний покойник с глухим стуком повалился на землю. Кот встряхнул облезлым ухом, опустил на четыре лапы и самодовольно потянулся: — Ну вот и порядок. А ты кричала.

Глава 2

Кот подошел ближе, мягко ступая тяжелыми лапами. Приглядевшись, Ярина заметила, что шерсть на его боках местами выдрана клочьями, а левое ухо торчит рваным облезлым треугольником. — Чего расселась? — буркнул он. Былое незавидное положение при суровой Яге научило его сразу ставить себя на особицу перед новыми знакомцами. — Я — кот Баюн. Триста лет твоей бабке служил, нежить баюкал. Теперь вот тебе в наследство достался. Баюн широко зевнул, сверкнув длинными желтоватыми клыками. Ярина лишь молча хлопала глазами, не находя слов. — Только заруби себе на носу, — продолжил кот, принявшись вылизывать широкую, размером с рысь, лапу, — я тебе не забава. Меня кормить положено вовремя. Чухать за ухом не требую, но и за хвост дергать не смей. И самое главное: на зорьке ты будишь нежить, которую я за ночь усыпил. А то сами вовек не поднимутся, и лодочник уплывет без них. — Какой еще лодочник? — наконец выдавила Ярина, обретая голос. — Обыкновенный, — фыркнул Баюн, не отрываясь от умывания, и в его хрипотце вновь заурчали тягучие сонные нотки. — Тот, что через реку Смородину в Навь души переправляет. Ладно, введу тебя в курс дела. Ремесло не пыльное, хотя нервы поматает. Кот протяжно вздохнул, будто старый вояка, повидавший на своем веку слишком много бед. Ярина поднялась с мерзлой земли и торопливо отряхнула подол. В груди все еще тяжело и гулко колотилось сердце. От появления кота морок отступил, но его речи совсем ей не нравились: выходило так, будто ее судьба уже намертво решена за нее. — Непокойные нынче покойнички, хозяйка, — заметил Баюн, лениво лавируя между свежими насыпями. Клубок, очнувшись, снова заскользил по траве. — Не подоспей я вовремя, и растащили бы по косточкам. И так каждую ночь будет, привыкай. — Я не собираюсь оставаться здесь и становиться хозяйкой, — отрезала Ярина, спеша за его черным хвостом и стараясь не потерять спутников во тьме. — Мр-р-р? — кот замедлился и недоверчиво оглянулся через плечо. — А зачем притащилась тогда? — Продам избу. Ну или найду в округе какую-нибудь дурочку на свое место, — с вызовом бросила Ярина. — Другую хозяйку?.. — Баюн сухо усмехнулся в усы. — Ишь чего выдумала. Забыла бабкин наказ? Изба или волны морские. Едва за границу рубежа нос высунешь с отказом, бабусины чары тебя сами с кручи в море швырнут. Кот лукаво прищурил желтый глаз или в полумраке это просто показалось Ярине. — Впрочем, — снисходительно протянул он, — я и без Яги справлялся, когда она к сестрам на шабаш улетала. Послужи с мое — и не такое сумеешь. «Ну и трепло», — мысленно фыркнула Ярина, смерив взглядом его драные бока. — До рассвета дойти надо, — поторопил Баюн. — У меня распорядок строгий: ночью баюкать, поутру будить, днем на печи бока греть. И чтобы без всяких там новшеств! Этим наказом кот явно давал понять: вешать на него лишнюю работу не нужно. Черный клубок уверенно вел их вперед, оставляя тонкую нить на мерзлой траве. Кот мерно шел следом, а Ярина, вздохнув и запахнув вывернутое наизнанку платье, зашагала следом. Небо на востоке подернулось сизым холодом, когда впереди показалась лесная опушка. Прямо у вековых сосен стоял ветхий сруб: замшелый, приземистый, покосившийся набок. Стреха нависала так низко, что до края можно было достать рукой. — Ну, повелевай, хозяйка, — бросил кот. — Избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! — громко потребовала Ярина. Бревна глухо скрипнули, изба чуть качнулась, но с места не сдвинулась. — Не так, — раздраженно фыркнул Баюн. — Хвост забыла: «Мне в тебя лезть — хлеба есть». — Избушка, — повторила Ярина уже с нажимом, — повернись к лесу задом, ко мне передом, мне в тебя лезть — хлеба есть! Снова сухой треск, неловкое покачивание, и тишина. — Опять криво, — кот покосился на нее с нескрываемым укором. — Бабуся тебя вообще ничему не учила? — Откуда мне знать! — вспыхнула Ярина, пряча за раздражением растерянность. — Хватит умничать, говори прямо, как надо. — Полным словом звать надо, — наставительно протянул Баюн. — Слушай и повторяй: «Стань по-старому, по-прежнему, как

мать поставила: к лесу задом, ко мне передом. Мне в тебя лезть — хлеба есть». Ярина перевела дух и послушно произнесла заговор слово в слово. Изба лишь скрипнула замшелой стрехой и замерла намертво. — Да что б тебя... — начал было кот, но вдруг замолк, принялся и подошел вплотную. Шерсть на его загривке встала дыбом, спина изогнулась дугой. — Постойка... Да на тебе платье наизнанку! — Это оберег от нечисти, — нахмурилась Ярина. — Избу за дуру держишь? — проворчал Баюн, нервно дергая облезлым ухом. — Она думает, морок пришел, а не хозяйка. Чтобы переступить порог, выворачивай одежду обратно и открывай лицо миру мертвых. Ярина с досадой выдохнула, чувствуя, как холодный предрассветный воздух пробирается под ткань. Оглядевшись по сторонам, словно кто-то мог подглядывать, она быстро распустила пояс, сдернула через голову тяжелое платье и вывернула его на правую сторону. В то же мгновение морозное дыхание Нави коснулось ее обнаженных плеч, а в спину отчетливо пахло сырой могильной землей и едким туманом со Смородины. Ярина расправила подол, шагнула к порогу и заглянула прямо в темное, подслеповатое оконце избы. — Избушка, — голос ее прозвучал тверже, без прежней опаски. — Стань по-старому, по-прежнему, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом. Мне в тебя лезть — хлеба есть! Под мерзлой землей глухо заворочались узловатые корни. Изба протяжно застонала бревенчатыми боками, приподнялась на куриных лапах, сбрасывая с замшелой стрехи иней, и с тяжелым, неохотным скрипом начала разворачиваться, распахивая дверь. Развернувшись передом, изба на мгновение замерла на длинных когтистых лапах. Затем с глухим хрустом согнула узловатые птичьи суставы и тяжело, словно наседка на гнездо, осела в траву. Замшелый порог опустился почти к самым ногам Ярины, а из темного дверного проема пахло сухой полынью и остывшей печной сажей. Ярина с опаской перешагнула высокий порог, и пол под ее ногами резко качнулся и ушел вверх. Изба распрямила жилистые куриные лапы, вздымая сруб высоко над землей, и с глухим стуком захлопнула за ней дверь. За дверью, внизу, послышалось возмущенное, скрипучее мяуканье. Ярина приоткрыла дверь и выглянула наружу. В предрассветных сумерках земля казалась пугающе далекой. В низине, за частоколом сухих елей, жирной смоляной лентой вилась река Смородина. Над ее берегами висел тяжелый сизый морок, скрывая дальний, навий берег. Прямо под куриными лапами, задрав облезлую морду и сердито дергая хвостом, сидел Баюн. — Эй! А меня втянуть? — сварливо крикнул кот, переминаясь с лапы на лапу. — Изба-то тебя послушалась, а про меня забыла! В мои триста лет я на такую верхотуру скакать не нанимался. — А сам запрыгнуть не можешь? — не удержалась от усмешки Ярина. — Ты же хвастался, что один тут всем заправлял. — Запрыгнуть? — Баюн оскорбленно фыркнул, показывая клыки. — Я волшебный кот, хранитель Нави, а не блоха с собачьего хвоста! — Да замолчи ты! — донеслось из темного угла. Голос прозвучал глухо и невнятно, будто говоривший набил рот горячей кашей. Ярина испуганно отшатнулась. Из черной пасти печи пыхнуло гарью, и на пол густо посыпалась сажа. Глиняные бока печи затряслись, внутри нее утробно ухнуло, и она отчаянно зачихала, выкашливая на припечек хлопья черной копоти. Наконец кашель утих, сменившись тяжелым, сильным вздохом. Заслонка со звоном сдвинулась в сторону, и из закопченного печного устья высунулась пара круглых глаз, блестящих во тьме, точно два раскаленных уголька. — Разгаделись ни свет ни заря, — проскрипело из печи уже разборчивее, хотя голос все еще был хриплым от золы. — Один под окнами блажит, словно хвост прищемили, вторая в дверях сквозняк пускает! В избе и без вас мороз собачий, огонь со вчерашнего дня не разведен, а они препираются. Ярина замерла, вжавшись спиной в притолоку. Из печи, отряхивая с лохматых плеч серые хлопья копоти, не спеша выкарабкался низкорослый старичок размером не больше ухвата. Борода его, длинная и запутавшаяся в паутине, волочилась по полу, а на ногах красовались крошечные лапти, сплетенные, казалось, из сухой бересты. — Ты еще кто? — выдохнула Ярина, судорожно сжимая в руке край платья. Старичок остановился, упер руки в боки и смерил ее недовольным, колючим взглядом с ног до головы. — Кто-кто! Запечник я, вот кто. При старой хозяйке порядок держал, а при новой, чую, вовсе по миру пойдем. Ты погляди

на нее, Баюн! — он ткнул кривым пальцем в сторону порога. — Стоит, глазами хлопает, а в подпечье мыши хороводы водят, и лешаки за тыном уже кору с избы обдирают! Снизу, из-под порога, тут же донеслось язвительное кошачье ворчание: — А я говорил, неумеха! Она даже заговор с третьего раза еле произнесла, да еще и платье шиворот-навыворот напялила. Руку мне подай, говорю, хозяйка! Или мне тут до полудня сидеть, пока ты со всей нечистью перезнакомишься? Запечник сердито сплюнул прямо на чистый припечек и зыркнул на дверь: — А ты, блохастый, помалкивай. Сам-то хорош, триста лет на печи спал, а птичью ногу пере-скочить не в силах! Да закрой ты дверь, девка, тепло уходит! Сперва егопусти, потом уж раз-бираться будем, кто в этом доме теперь щи варить станет. Ярина вздохнула, перегнулась через порог, ухватила Баюна за шкурку и, кряхтя от тяжести — котяра весил не меньше доброго мешка с зерном, — втащила его в избу. Кот тут же с важным видом отряхнулся, чихнул на печной угол и запрыгнул на лавку. Черный путеводный клубок, словно почуяв родные стены, сам заскочил следом и чинно устроился на резной полке возле сушеных трав. Ярина с грохотом захлопнула тяжелую дубовую дверь на засов и привалилась к ней спиной, пытаясь перевести дух. — Ну а сама бабуся-то где? — спросила она, переводя взгляд с лохматого Запечника на вылизывающего бок Баюна. — В записке только страсти одни: или изба, или в море. А сама куда подевалась? — Куда-куда, — прошамкал Запечник, доставая из бороды еловую иголку. — К сестрам на Кудыкину гору подалась, в тридевятое царство на покой. Сказала: «Триста лет души через реку спроваживала, спина не разгибается, костяная нога ноет к дождю. Хочу на печи у родни лежать да кисель пить». Собрала ступу с помелом, да и поминай как звали. На тебя все хозяйство бросила. — А хозяйство, почитай, развалено! — подхватил Баюн, навестрив драное ухо. — Печь со вчерашнего дня остывает. Запечник дрова-то запалит, у него огонь прикормлен, а вот тесто ставить да хлеба в печь сажать — дело женское, хозяйское. Мертве-цов без хлеба-соли встречать негоже, обидятся. — И кисель, кисель поминальный не забудь, девка! — наставительно прошамкал Запечник, грозя Ярине черным от копоти пальцем. — Густой чтоб был, овсяный, ложка чтоб стояла! Без него и близко к покойничкам не суйся. Они ж, покуда чашу до капли не вылакают, все земное помнят. Будут по избе выть, за косяки цепляться да лодочнику весла ломать от тоски! А как овсяного взвара глотнут, так память им враз и отшибет. Смирнехонькие станут, как овечки на закланье, и в лодку сами попрыгают. — И молока коту налить не забудь, — вставил Баюн с самым благочестивым видом. — Жир-ного, парного, в глиняную плошку. За верную службу. Запечник яростно зыркнул на кота из-под кустистых бровей и швырнул в него сухой березовой щепкой: — Ишь, утроба ненасытная! Какое тебе молоко, когда коровы тут отродясь не водились? Иди вон в подпол, мышей лови, совсем обленился на казенных харчах! Ярина устало потерла виски, слушая их перебранку. В избе пахло гарью, сухой мятой и вековой пылью, но холод понемногу отступал. Запечник, продолжая ворчать, уже суетился у печного жерла. Щелкнув пальцами, он высек синюю искру, и в глубине печи сухо затрещали березовые поленья, озаряя горницу пляшущим золотым светом. Ярина огляделась по сторонам и вдруг замерла от изумления. Снаружи, на опушке, Избушка казалась крошечным, в три бревна срубом, покосившимся от старости. Но изнутри... Низкий закопченный потолок прихожей горницы внезапно переходил в длинные, уходящие во тьму переходы. Тяжелые рубленые стены из векового дуба раздавались вширь, открывая просторные сени и широкие галереи со скрипучими половицами. Ярина сделала несколько неуверенных шагов вглубь дома. Вдоль длинного крытого перехода тянулись косяки бесчисленных тяжелых дверей, обитых железом и украшенных охранными резами. Она осторожно толкнула одну из створок. За ней открылась просторная светелка: широкие дубовые лавки, устланные сухим пахучим сеном и домоткаными дерюгами, липовый стол у окна, выходящего в глухой навий туман, и глиняный рукомойник в углу. За следующей дверью оказалась еще одна комната. Она была побольше, с резным поставцом для посуды и полатами под самым матицем. Следом шла третья, четвертая... Это была не просто лесная хижина. Избушка на курьих ножках внутри

оказалась огромным подворьем для всех неприкаянных душ и темных гостей, что каждую ночь стекались к берегам Смородины в ожидании переправы. — Ничего себе «продам избу»... — потрясенно прошептала Ярина, глядя на бесконечный ряд покоев. — А ты думала, — послышался из темноты перехода мягкий шаг Баюна. Кот подошел, бесшумно ступая рядом, и его желтые глаза весело блеснули. — К полуночи сюда со всей округи гости повалят. И каждому постели, каждого накорми, да чтоб не подрались. Ну что, хозяйка, будем тесто месить? Ярина тяжело вздохнула и прижала руку к урчащему животу: — Сначала самой поесть надо, с ног валяюсь. Схожу в лес, наберу грибов да кореньев каких, сварю похлебку... — С ума сошла? — Баюн резко преградил ей дорогу, вздыбив загривок. — В здешний лес она собралась! На опушке граница кончается, кругом Навий дол! Скушаешь ягодку с того света или гриб могильный сжуешь, и навек среди мертвых останешься, назад дороги не будет. Живому человеку здесь один закон положен: есть только то, что в этой самой печи испечено да сварено! Огонь в ней живой, бережный, он навий морок с еды сжигает. — Верно кот бает, — прошамкал Запечник, высунув нос из подпечья. — Наешься лесной падали, и сама покойницей станешь, мертвецы тебя за свою признают и утянут на дно Смородины. А будешь наш хлеб да щи из печи есть, они в тебе хозяйку почуют, живую силу, и тронуть не посмеют. Так что марш к квашне! Вон мука в ларе, вон овес. Ярина растерянно подошла к широкому столу, на котором стояла тяжелая деревянная кадка. В отчем доме матушка и няньки берегли ее от любой тяжелой работы. Ярина и понятия не имела, сколько сыпать муки, как ставить закваску и сколько воды лить. Она зачерпнула ковшом муку, вывалила в квашню, плеснула воды и принялась неумело мять липкую массу руками. Тесто тут же намертво пристало к пальцам, пошло комьями и никак не желало становиться гладким караваем. — Тьфу ты, пропасть! — плевался сажей Запечник, глядя на ее мучения. — Кто ж так месит, белоручка! Дрожжей не положила, силушки не приложила, не каравай будет, а подошва от лаптя! С овсяным киселем вышло ничуть не лучше. Засыпанное в чугунок зерно подгорело снизу, по избе повалил горький чад, а сам взвар взялся склизкими, серыми ошметками. Баюн сидел на лавке, прикрыв морду лапой, и только тяжело, сокрушенно вздыхал на каждый ее промах. Лишь к вечеру, после десятка переделок, брани Запечника и подсказок кота, на столе наконец остывали три кособоких, темных, но все же съедобных караваев, а в глиняных кувшинах густел терпкий поминальный кисель. Ярина, вся с ног до головы перепачканная в белой муке и черной печной золе, без сил опустилась на лавку. Пальцы ныли, плечи ломило от тяжелого ухвата, но в животе приятно теплело от теплой горбушки. За узкими окнами избы стремительно густели сумерки. Сизый туман над Смородиной налился чернильной тьмой, и из глухого бурелома потянуло могильным холодом. Половицы в дальнем конце избы глухо скрипнули. С улицы, из преддверия Нави, донесся первый протяжный стон, и в тяжелую дубовую дверь с той стороны тихо, но настойчиво постукали.

Глава 3

Стук повторился. Он был негромким и робким, будто кто-то царапал дубовую доску маленькими озябшими пальцами. Ярина замерла у стола. Сердце испуганно скакнуло к горлу, в руке сама собой сжалась тяжелая деревянная лопата для хлеба. Баюн подобрался на лавке, вытянув шею и наострив драное ухо, а Запечник тихонько юркнул за печной столб, оставив снаружи только любопытный закопченный нос. — Ну, чего стоишь? — шепнул кот. — Иди открывай. Сам гость порог не переступит, пока хозяйка не позовет. Ярина на негнущихся ногах подошла к двери. Пальцы мелко дрожали, когда она сдвинула кованый засов. Осторожно потянув тяжелую створку на себя, она приготовилась увидеть очередное чудовище с язвами, и в ожидании этого заранее опустила глаза. На пороге, освещенный теплым печным отблеском, стоял худенький мальчишка лет семи-восьми. На нем была ветхая, великоватая холщовая рубаха с оторванным воротом, перевязанная простой пеньковой веревкой. Ноги были босые, перепачканные в сухой болотной грязи и посиневшие от ночного холода. За поясом торчала самодельная дудочка из ивового прутика, а в ручонке он сжимал обломанный пастуший кнут. Мальчик шмыгнул носом, поднял на Ярину круглые, испуганные глаза и тихо, с надеждой спросил: — Тетенька... а вы мою ярочку не видали? Овечка у меня от отары отбилась, в овраг побежала. Я за ней пошел, да закружило... Холодно тут очень. И матушку не найду никак. У Ярины перехватило дыхание. Перед глазами на мгновение вспыхнуло круглое личико младшего братца, просившего гостинец перед ее уходом. Тот же вздернутый нос, те же вихры на макушке. Только от этого мальчика не исходило живого тепла. От его холщовой рубашонки веяло глубоким овражным холодом и прелыми листьями. Он не понимал, что его еще на прошлой неделе загрызли волки. Страх, сковывавший Ярину с самого погоста, вдруг растаял, уступив место давящей жалости. — Заходи, милый, — голос ее дрогнул, но прозвучал мягко и ласково. — Заходи в тепло. Нашлась твоя овечка, не переживай. Мальчик робко переступил порог. Изба тихонько скрипнула, принимая первую душу под кров. Баюн мягко спрыгнул с лавки, подошел к пастушку и, неожиданно для своего скверного характера, потерся теплым боком о его ледяные щиколотки, тихо замурлыкав: — Заходи, малец, погрейся. Здесь волки не тронут, здесь тихо. Ярина подвела мальчика к столу, усадила на лавку и торопливо отломала большую теплую горбушку от испеченного каравая. Налив в глиняную чашку густого, овсяного киселя, она пододвинула угощение гостю. — На вот, поешь сначала. Сам пекся, из печи. Мальчишка с жадностью вцепился в хлеб обеими руками, пачкая щеки золой. От теплого мякиша его бледные щеки чуть порозовели, а морок застывшего овражного холода начал рассеиваться. Затем он обеими ладошками поднял тяжелую чашку и сделал первый глубокий глоток поминального киселя. Ярина с замиранием сердца смотрела на него. С каждым глотком взгляд мальчика менялся. Испуг и тревога таяли, черты лица разглаживались. Он перестал судорожно оглядываться на дверь и искать глазами потерянную ярочку. С каждым глотком овсяного киселя из его памяти уходили пережитый ужас, холод темной чаши и саднящая боль от волчьих зубов. — Вкусно... — тихо прошептал он, опуская опустевшую чашу на стол, и сладко, по-детски зевнул. Веки его отяжелели. — Тетенька... а спать где? Я так находился... — Пойдем, я покажу, — Ярина взяла его за маленькую прохладную ладошку. Баюн тут же спрыгнул на пол и пошел впереди, задрав трубой облезлый хвост. Он важно вышагивал по скрипучим половицам длинного перехода, мерно покачивая боками. Ярина завела мальчика в одну из ближних светелок. Уложила на широкую лавку, застеленную мягким сеном и чистой дерюгой, и накрыла лоскутным одеялом до самого подбородка. Мальчик свернулся калачиком, подложив ладошку под щеку, но все еще беспокойно вздрагивал во сне, словно земные печали не отпускали его до конца. Тогда Баюн легко вспрыгнул на край лавки, устроился в ногах у ребенка и заурчал на весь покой. Затем зажмурился и тихо, вкрадчиво замурлыкал свой заго-

вор, растягивая каждое слово: — Баю-бай, усни, малец, Светлой Нави ты птенец. Спи в тепле, забудь овраг, Серый клык и волчий шаг. Ранки больше не болят, Волки в чаще крепко спят. Овцы спят, и лес притих, Нет уж страхов никаких... С каждым словом колыбельной дыхание мальчика становилось все ровнее и глубже. Беспокойная складка на детском лбу разгладилась, озябшие пальчики разжались, выпустив веревочный пояс. Морозный овражный дух окончательно растаял, уступая место безмятежному, глубокому сну Нави. Баюн смолк, сладко потянулся, переступил лапами и спрыгнул на пол. — Ну вот, — шепнул кот. — Теперь до самых первых лучей не проснется. А на зорьке разбудишь, к реке проводишь, и пойдет он на переправу легко, без слез и без боли. Ярина еще раз взглянула на безмятежное лицо пастушка, тихо вздохнула и прикрыла за собой тяжелую дубовую дверь. В главной горнице весело потрескивал печной огонь. Запечник деловито подгрребал угли кочергой, а на столе остывали оставшиеся караваи. Ярина тяжело опустилась на лавку и опустила голову. Она долго смотрела на свои пальцы, испачканные мукой и печной гарью, и на ногти, сбитые о могильные камни. Внезапно комок, стоявший в горле с самого родительского порога, прорвался. Она судорожно вздохнула и закрыла лицо ладонями, беззвучно, горько заплакав. Слезы текли сквозь пальцы, оставляя на перемазанных сажей щеках светлые полосы. Плакала она обо всем разом: об отчем доме и оставленном младшем братце, о собственном бессилии. Но горше всего было от жалости к чужому мальчишке за дубовой дверью, чьи босые ножки уже никогда не побегут по росистой траве Яви. Шорох лап по половицам раздался совсем рядом. Баюн бесшумно вспрыгнул на край лавки, подошел вплотную и мягко положил голову ей на колени. Его теплое урчание зазвучало низко, успокаивающе, прогоняя ледяную пустоту из груди. — Ну-ну, девица, полно сырость разводить, — проскрипел из-под печи Запечник. Голос его, прежде сварливый, теперь звучал неожиданно мягко. — Первая тризна всегда самая тяжелая. Думаешь, старая Яга поначалу не ревела? Ревела, да еще как. Зато дитя обогрели, накормили, память от боли закрыли. Уйдет к предкам с миром, а не скитальцем безродным. — Верно дед бает, — Баюн провел шершавым языком по ее пальцам. — Ты нынче не просто девка капризная, а стража живым и покров мертвым. Утри слезы, хозяйка. Ночь на дворе, до утренней зорьки еще далеко. Ярина шумно перевела дыхание, отерла рукавом мокрое лицо и несмело коснулась драного кошачьего загривка. Ночь за стенами избы налилась густой, непроглядной тьмой. Луна так и не вошла на небо, и Ярина, глядя в слюдяное оконце, впервые горько затосковала по живому серебряному сиянию, вспоминая ясный лунный свет над крышей отчего дома. Запечник только успел подбросить в топку пару сухих смолистых поленьев, как половицы в сенях глухо застонали, а в воздухе отчетливо потянуло речной тиной, мокрым илом и могильным холодом. — Вторая идет, — негромко шепнул Баюн, наострив уши. — Водяная душа, заложная. С этими, хозяйка, ухо остро держи. У них тоска глубокая, как омут, затянет — не выплывешь. Едва он смолк, как в дубовую створку тихо, робко поскреблись с той стороны. Ярина поднялась, подошла к двери и отодвинула засов. На пороге стояла девица, едва ли старше самой Ярины. Длинная белая рубаха, расшитая свадебными узорами, промокла насквозь и липла к исхудавшему телу, с подола на чисто выскобленные дубовые доски ручьями стекала темная вода вперемешку с тиной и мелкой речной ряской. На распущенных, спутанных волосах сидел покосившийся девичий венец из сухих озерных трав и речного жемчуга. Лицо ее было блее первого снега, губы посинели, а побелевшие пальцы судорожно сжимали тонкое медное колечко. Гостья подняла на Ярину огромные, темные от слез глаза и заломила руки. — Пусти... пусти меня обратно! — раздался тонкий, булькающий, надрывный плач, похожий на плеск волн о сваи. — Он же ждет меня у венца! Ладо мой, сокол мой... Я только к реке спустилась венком пустить, оступилась на мостках, в омут ушла! Пусти, я на один лишь миг вернусь, только в глаза ему гляну, скажу, что не по своей воле оставила! С каждым ее рыданием избу наполняла удушливая сырость. Вода хлынула через порог, по полу пополз мокрый туман, а жаркое пламя в печи зашипело, осело и начало гаснуть, захлебываясь стылым речным чадом. — Батюшки-светы! —

завопил Запечник, отскакивая от заливаемого припечка. — Печь тушит! Заморозит ведь все подворье, утопит избу к лешему! Девка, уйми ее, не то до утра не доживем! Холодная жижа лизнула кошачьи лапы. Баюн дико взвыл, вздыбил мокрую шерсть и, яростно зашипев на набегающую лужу, сиганул прямо на подвесной матичный брус под самым потолком. Вцепившись всеми четырьмя когтистыми лапами в просмоленное бревно, он свесил вниз бешеную морду и плюнул в воду: — Утопленница окаянная! Шерсть мне намочила, погибель моя! Хозяйка, держи ее, а не то я до самого рассвета не слезу! Ярина замерла. Отчаянный, раздирающий душу плач невесты ударил прямо в сердце. Перед глазами встало недавнее собственное отчаяние и страшный наказ Яги: «или в море». Она живо представила, каково это: захлебнуться в ледяной глубине, оборвать жизнь на пороге счастья и остаться навек в холодной тине. Даже страх перед нежитью на мгновение отступил, уступив место щемящей сестринской жалости. — Тише, милая, тише... — Ярина сделала шаг вперед, не боясь намочнуть в ледяной воде, и бережно взяла девушку за ледяные, дрожащие плечи. — Никто тебя не гонит. Заходи в тепло. Утопленница попыталась вырваться, но Ярина обняла ее крепко и осторожно завела в избу, прикрыв за собой дверь. Усадив плачущую невесту на лавку возле оживающей печи, Ярина сняла со стены костяной гребень. — погоди убиваться, дай я косы твои распутаю, — мягко приговаривала Ярина, проводя гребнем по мокрым, холодным прядям, осторожно вычесывая зеленую тину и мелкие речные ракушки. — Ладо твой плачет по тебе, всю реку слезами омыл. Но живым с мертвыми не быть, сама знаешь. Не рви ему душу мороком, отпусти... От мерных движений гребня и теплого, ласкового голоса девичий вой начал стихать, сменяясь тихими, бессильными всхлипами. Печной огонь вновь вспыхнул ярко, согревая озябшую невесту. Ярина отложила гребень, взяла с полки чашу и налила густого, овсяного киселя. — Испить надо. Помяни свою девичью долю, отпей земную кручину. Легче станет. Невеста дрожащими руками приняла чашу. Взглянула на медное колечко на пальце, горько уронила слезинку прямо в овсяный взвар и сделала первый глубокий глоток. Тотчас лицо ее начало меняться: синева сошла с губ, застывший ужас захлебнувшейся души растворился, а черты озарились тихим, неземным покоем. Она медленно сняла с пальца медное колечко и положила на край стола, больше за него не цепляясь. — Как же сладко клонит в сон... — прошептала она, и веки ее тяжело опустились. Ярина бережно взяла гостью под руку и отвела в соседний покой. Уложила на пахучее сено, укрыла сухим полотном. Баюн неслышно ступил следом, вспрыгнул на изголовье лавки и, прикрыв глаза, завел для утопленницы свой тихий, усыпляющий напев: — Баю-бай, усни, девица, В тишине покой струится. Нет колечка на руке, Нет тропиночки к реке. Снят венец из трав речных, Нет вестей от дорогих. Ждет ли ладо — позабудь, За Смородину твой путь. Спи, невеста, до утра, Забывать любовь пора... Девица глубоко вздохнула и затихла в безмятежном сне. Ярина тихо вышла из светелки и притворила дверь. Она не знала, хватит ли ей сил нести эту службу дальше. Всего две души переступили порог, а сердце болело так, будто всю их невыплаканную тоску она приняла на себя. Баюн, все еще настороженно поглядывая на мокрые половицы, принялся тщательно вылизывать намочшую лапу. Заметив, как поникли плечи Ярины, он тихо хмыкнул в усы: — Зря слезы льешь, хозяйка. Не тех жалеешь. Ярина подняла на него усталые, покрасневшие глаза: — Как не тех? Мальчишку волки загрызли, невеста в омуте утонула... Им бы жить да жить, радоваться! Кот перестал умываться и посмотрел на нее удивительно спокойным, почти человеческим взглядом. — Все, отмучились они и спят сладко, а на рассвете лодочник увезет их в тихий Навий сад. Мертвым нынче хорошо, покойно. Баюн вздохнул, поджал хвост и зыркнул в сторону темного оконца, за которым клубилась предутренняя тьма: — Живых пожалей, дуреха. Матери того пастушка теперь всю жизнь в пустую колыбель глядеть да слезы лить. Жениху той девицы — на пустые мостки бегать да реку проклинать. Вот кому нести эту боль день за днем, год за годом, пока сами к Смородине не придут. А у наших гостей земная кручина кончилась. Ты им не мор и не злая доля, а тихий кров перед Навью. Запомни это, и сердце рвать перестанет. Не успела Ярина утереть

слезы, как снаружи слышался уверенный, требовательный грохот, будто кто-то колотил в дубовую дверь увесистым посохом. — Отворяй, хозяева! — донесся сиплый, скрипучий голос с той стороны. — Долго мне под сквозняком стоять? Деньги плачены, постоялый двор подавай! Баюн от неожиданности дернул облезлым ухом и фыркнул в усы: — Ишь, какой пряткий. Этот точно не из омута вылез. Ступай, хозяйка, глянь, что за барин к нам пожаловал. Ярина сдвинула засов и распахнула дверь. На пороге стоял сгорбленный, сухонький старичок с острой бородкой клинышком. Одет он был в богатый, некогда бархатный кафтан с лисьей опушкой, однако ткань уже тронула серая плесень, а мех клочьями осыпался на порог. Обеими руками старик судорожно прижимал к груди увесистый холщовый мешок, сквозь прорехи которого непрерывно сыпалась мелкая серая пыль. — Ну наконец-то! — проворчал старик, оглядывая Ярину с ног до головы подслеповатыми, цепкими глазками. — Девка, чего копаешься? Зови хозяина! Мне нужен лучший покой, чтоб на пуховиках, без клопов и чтоб из окон рекой этой вонючей не тянуло. Плачу серебром! Он сунул руку в мешок, с гордым видом зачерпнул горсть монет и протянул Ярине. Но стоило ему разжать скрюченные пальцы, как вместо звонкого серебра на дубовый порог с тихим шелестом высыпалась горсть сухой могильной золы. Старик оторопело моргнул, потряс ладонью и выругался: — Тьфу ты, морок ярмарочный! Карманники подменили, ироды! Ничего, у меня в подклете еще три сундука зарыто, я купец первой гильдии Гордей Ерофеев, меня в Новгороде каждая собака знает! — Проходи, купец, — Ярина с растерянной улыбкой пропустила его внутрь. — В избе сочтемся. Купец прошаркал к столу, с опаской косясь на кособокие караваи. Запечник, высунувшись из устья печи, смерил гостя презрительным взглядом и громко сплюнул на золу. — Это что за харчи? — возмутился Гордей, брезгливо тыча скрюченным пальцем в глиняную чашу. — Черный хлеб? Овсяный взвар? А осетрины нет? А медов ставленых? Я за этот кисель и ломаного гроша не дам! — А ты и не дашь, дедуля, — лениво протянул Баюн, развалившись на лавке. — У тебя грошей-то — одни черепки да черви. Купец побагровел (насколько вообще может побагроветь покойник), полез за пазуху и попытался швырнуть коту монету, но в кошачью морду полетел лишь сухой прах. — Эй, котище! Не дерзи! Я тебя куплю с потрохами, на воротник жене пушу! Эй, запечный черт! — он замахал руками на Запечника. — Подбрось дров, я мерзну! За что я деньги плачу?! — За упокой души твоей плачено, пень трухлявый! — огрызнулся Запечник из печи, грозя кочергой. — Сиди смирно, а то ухватом по хребтине огрею, живо в лодку полетишь без штанов! Ярина смотрела на эту перепалку, и весь прежний трепет окончательно выветрился из головы. Перед ней был не страшный мертвец из загробных баек, а обычный сварливый старик, который так торопился пересчитать свое золото в сыром подвале, что и сам не заметил, как сердце перестало биться. Она подошла к купцу, уперла руки в боки и строгим хозяйским тоном произнесла: — Так, Гордей Ерофеич. Других покоев у меня нет. Денег твоих здешним духам не надо, а вот законы Избушки блюсти придется. Либо ты пьешь кисель и ложишься спать на сено, как добрый гость, либо прямо сейчас отправляешься пешком через болото к Смородине, без хлеба и без провожатых. Поглядим, как с тобой лодочник торговаться станет. Купец опешил. Он привык, что в земной жизни перед его золотом все гнули спины, но непреклонный взгляд девицы в перепачканном золой платье заставил его осечься. — Ну... коли заведено так... — пробормотал он, присмирив. — А точно без клопов? — Чисто все, сама стелила, — уже мягче ответила Ярина и пододвинула к нему чашу с овсяным киселем. — Пей. Земная жадность душу тянет, а кисель тяжесть с сердца снимет. Купец с сомнением понюхал густой темный взвар, поморщился, но все же сделал большой глоток. Почти мгновенно его напряженные плечи обмякли. Скрюченные пальцы наконец разжали дырявый мешок, и тот с глухим стуком упал под лавку, окончательно рассыпавшись серым прахом. Глаза старика подернулись сонной дымкой, лицо разгладилось, а алчное, беспокойное выражение сменилось тихим удивлением. — Ишь ты... — прошептал Гордей, глядя на свои пустые ладони с неожиданным облегчением. — А ведь и правда... легко-то как стало. Ни сундуков не надо, ни амбаров... Куда ж это я все

копил-то? Он шумно зевнул во весь беззубый рот и едва не клюнул носом в столешницу. Ярина с улыбкой подхватила его под локоть и повела по переходу в третью светелку. Уложила старика на широкую дубовую лавку, подложила под голову валик из сухого чабреца и полыни. Баюн неслышно прыгнул на лавку в ногах у купца, свернулся клубком и завел усыпляющий заговор: — Баю-бай, усни, купец, Суете земной конец. Прах покрыл твои ларцы, Спят посадские купцы. Нет амбаров, нет долгов, Пусто в брюхе сундуков. Смолкни, скряга, до утра, Забывать торги пора. Купец сладко захрапел на первой же строчке. Ярина тихонько прикрыла дверь и вернулась в горницу. В избе снова стало тихо и тепло. Запечник довольно посапывал в углу, на печи грелась крынка с кореньями и травами, а страх перед пограничной службой Ярину больше не тревожил. Теперь она знала, что с любой душой, будь то напуганный ребенок или вздорный богач, можно сладить добрым словом, теплым караваем и хозяйской строгостью.

Глава 4

Сон был коротким и чутким, без сновидений. Ярине казалось, будто она только на мгновение прикрыла отяжелевшие веки, привалившись плечом к теплому печному боку, но тонкий предрассветный холод уже коснулся щеки. В избе стояла звенящая тишина. Печные угли подернулись седым пеплом, а сквозь слюдяные оконца пробивался белесый, призрачный свет. Запечник, свернувшись калачиком прямо на теплой загнетке, мерно присвистывал во сне крошечным носиком. Ярина зябко повела плечами, поправила сбившийся платок и тихо поднялась с лавки. Пора. До первой зорьки нужно было собрать ночных гостей и проводить их к реке. На краю стола тускло блеснули три круглые медные монеты, оставленные Ягой. Ярина бережно сжала их в кулаке и зажгла глиняный каганец. Крошечный желтый язычок пламени выхватил из полумрака длинный переход к светелкам. Первой она отворила дверь к маленькому пастушку. Мальчик спал безмятежно, свернувшись под лоскутным одеялом, подложив кулачок под порозовевшую щеку. Ни страха, ни овражной жути на его лице больше не осталось. Сон Нави стер и следы волчьих зубов и горьких слез. — Просыпайся, милый, — Ярина ласково коснулась его плеча. — Утро занимается, пора в путь. Мальчик сладко потянулся, открыл чистые, ясные глаза и улыбнулся Ярине как старой знакомице. Он безропотно поднялся, оправил рубашонку. Ярина вложила в его маленькую ладошку медную монетку и загнула пальчики: — Сожми крепко. К реке придем — отдашь дедушке в лодке. Он тебя на тот берег свезет, там светло, тепло и луга бескрайние. В соседней светелке ждала утопленница. Ее свадебный наряд за ночь высох, расчесанные косы лежали ровно на чистом холсте, а в лице не осталось ни капли бывшего отчаяния. Когда Ярина коснулась ее руки, девушка легко поднялась, поправила девичий венец и молча приняла вторую монету. Ни слова о брошенном ладо, ни слезинки об оборванной свадьбе: овсяный кисель и колыбельная кота навсегда смыли земную боль. Последним разбудили купца. Гордей Ерофеев покряхтел, поскреб седую бородку, но спорить не стал. Когда Ярина протянула ему простой медный грош, он бережно взял его двумя пальцами, покрутил перед подслеповатыми глазами и с легким удивлением хмыкнул, словно наконец понял истинную цену вещам. Выведя присмиревших постояльцев в горницу, Ярина огляделась в поисках кота. Баюн и не думал просыпаться. Он зарылся в самый теплый угол печи, свернувшись тугим мохнатым клубком, и безмятежно похрапывал, спрятав нос под драную лапу. Ярина подошла ближе и несмело тронула его за загривок: — Баюн... Баюнушко, проснись. Пора. Кот недовольно дернул ухом, но глаз не открыл. — Баюн, ну вставай же! — Ярина настойчивее потрясла его за загривок. — К реке вести надо, зорька занимается! Кот тяжело вздохнул, с величайшей неохотой приоткрыл один мутный желтый глаз и сварливо прохрипел: — Чего расшумелась, девка? Спать не даешь... И вообще, с какой это стати я по холодной росе лапы морозить должен? Я пес дворовый, что ли, по лесам за тобой бегать? Мое дело кошачье: сказку спеть, душу усыпить да на печи греться. А до реки провожать — твоя служба, хозяйская. Я же сказал: без новшеств! Бабуся меня по утрам в туман не таскала, сама справлялась. Он с независимым видом отвернулся к стене и зажмурился. Ярина растерянно замерла. Взглянула на троих молчаливых гостей, стоявших у порога, потом на темное слюдяное оконце, за которым клубился вязкий, пугающий туман Нави. Мысль о том, что ей придется одной вести мертвецов сквозь мертвый лес к реке Смородине, сковала сердце ледяной тоской. Она подошла вплотную к теплому печному боку, привсталла на цыпочки и тихо, без прежней строгости, почти взмолилась: — Пожалуйста, Баюн... Не бросай меня. Мне страшно одной. Первый раз ведь... Вдруг не дойду? Вдруг на тропе кто переймет? Пойдем со мной, а я тебе за это... сливок свежих попрошу у Запечника, или рыбку какую на углях запеку. Ну пойдем, Баюнушко. Кот замер. Ухо его нервно дернулось. Несколько мгновений он еще лежал неподвижно, делая вид, что борется с праведным гневом, а затем протяжно, мученически вздохнул

и сел на печке. — Ох, наказание мое... — проворчал он, сладко потягиваясь и во все горло зевая. — Сливки она нальет, ишь... Рыбку запечет. Да на том берегу такая рыба водится, что сама тебя запечет и не подавится. — Сама ни крынки не сдоила, а кот балует, — тут же проскрипел из теплой загнетки сонный, сердитый голос. Запечник высунул наружу всклокоченную, перемазанную сажей бороду и яростно захлопал крошечными подслеповатыми глазками, оглядывая обоих. — Чужое добро разбазаривать спозаранку вздумала, девка непутевая! — старичок сердито стукнул деревянной ложкой по припечку и повернулся уже к Баюну: — А ты чего разлегся, тунеядец пузатый? Морду отвернул он, глядите на него! Толку как от козла молока! Иди, говорю, проводи девку. Мало ли оступится со страху, или кручину по дороге обратно не соберет. Вставай, шерсть драная! Баюн от такого нагоняя аж усы прижал, возмущенно дернул хвостом и наконец соизволил спрыгнуть на лавку, злобно зыркнув на печку. — И ты туда же, пень закопченный, — проворчал кот, неохотно потягиваясь во всю длину и во весь рот зевая. — Ни сна от вас в этом доме, ни покоя. Сливки не допросишься, а крику на весь белый свет. Ладно уж, девка, веди своих постояльцев. Не хватало еще, чтоб ты в первой же канаве с перепугу шее свернула, а этот черт запечный мне потом всю плешь проел. Но чтоб это было в последний раз! — Ну вы и спор подняли на пустом месте, — вздохнула Ярина, снимая с крюка тяжелый кованный фонарь. Она разгребла золу в печи, прижала сухой кончик фитиля к живому алому угольку и, когда огонек занялся, толкнула дубовую дверь. Снаружи мир потонул в густом, молочно-белом тумане. Предраассветная мгла клубилась плотными пластами, скрывая и вековые сосны, и топкие мхи. Воздух был неподвижен и сыр, пахло речной стыlostью, прелыми листьями и далеким горьким дымом. Ярина шагнула с крыльца на тропу. Теплый огонек фонаря пробивал в вязкой дымке золотистый коридор. За ней неслышной вереницей потянулись трое: впереди легко ступал босоногий пастушок, за ним плыла в белом наряде тихая невеста, а замыкал шествие сгорбленный купец, сжимавший в кулаке свой единственный грош. Рядом, то и дело зевая, недовольно отряхивая мокрые лапы и сонно потряхивая драным ухом, мягко ступал Баюн. Кот шел неторопливо, почти касаясь боком подола Ярины, и его мерное, хотя и ворчливое сопение отгоняло липкий страх в этой мертвой предраассветной тиши. С каждым шагом сквозь туман все отчетливее проступал темный, тяжелый шум беспокойной воды. Впереди, у самого края черного обрыва, их ждал берег реки Смородины. Тропа оборвалась у самого берега. Здесь вязкий туман стелился над самой землей, открывая взгляду темную, тяжелую гладь Смородины. Река катила свои смоляные воды без единого всплеска, а над самой стремниной клубился едкий сизый парок. Ярина остановилась у покрытых мхом деревянных мостков, высоко подняв фонарь. Трое путников за ее спиной замерли в безмолвном ожидании. — Ну и где твой перевозчик? — тихо шепнула она коту, поежившись от пронизывающей речной сырости. — Неужто проспал? — Не каркай, девка, — фыркнул Баюн, устраиваясь на сухой коряге и пряча озябшие лапы под брюхо. — Такой не проспит. Он реку чует лучше, чем я мышь под полом. Жди. Только кот договорил, как из белесой дымки послышался глухой скрип уключин. Вода расступилась, и к мосткам бесшумно причалила длинная просмоленная лодка с высоким загнутым носом. Ярина невольно затаила дыхание, ожидая увидеть древнего, согбенного старца вроде Запечника или костлявого духа в истлевшем саване. Но с кормы на нее смотрел высокий, широкоплечий юноша. На нем была темная безрукавка из дубленой кожи, накинута прямо на крепкие плечи, и закатанные до колен порты. Густые смоляные кудри выбивались из-под шапки, а ясные серые глаза озорно блестели в свете ее фонаря. В длинных цепких пальцах он легко, словно пушинку, держал тяжелое дубовое весло. Юноша оперся на весло, окинул взглядом берег и сразу же задержал взгляд на Ярине. На его бледном, но приятном лице промелькнула насмешливая улыбка: — Ого... А я-то думал, мне со слепу почудилось, будто на берегу березка расцвела. Яга наконец на покой ушла и прислала вместо себя красну девицу? — Принимай постояльцев, перевозчик, — спокойно ответила Ярина, ничуть не смутившись его прямого взгляда. Она выпрямила спину и шагнула ближе к воде. — Трое их

нынче. Накормлены, усыплены, к переправе готовы. — Трое — это хорошо, трое — это лодка ровно пойдет, — усмехнулся юноша, ловко спрыгивая на край мостков и подтягивая цепь. — А то старая карга вечно мне то десяток скопом вытолкает, хоть за борт прыгай, то кривого лешего с перепоя подсунет. С тобой, красавица, вести дела куда приятнее. Как звать-то тебя, хозяйка? Баюн на коряге хитро прищурил желтые глаза, перевел взгляд с лодочника на Ярину и заговорщически повел ухом, явно ожидая, что девица вспыхнет маковым цветом и растеряется. Но Ярина лишь смерила перевозчика строгим, испытующим взглядом хозяйки Избушки: — Яриной звать. А ты, лодочник, поменьше языком чеши. Долго стоять будешь — зорьку упустишь. — Ишь, строгая какая! — хохотнул юноша, и смех его прозвучал над темной рекой удивительно звонко и живо. — Меня Радомиром кличут, коли знать хочешь. А за зорьку не переживай, Яринушка. Мои весла быстрые, глазом моргнуть не успеешь — уже на том берегу буду. Радомир повернулся к застывшим на тропе душам и протянул широкую ладонь. Первым к нему несмело подошел пастушок. Мальчик разжал кулачок и бережно опустил в руку юноши свою медную монетку. Лодочник тепло подмигнул мальцу, потрепал его по макушке и легко посадил на нос лодки: — Запрыгивай, малец. На том берегу отара твоя тебя уже заждалась, травка там сочная, волкам ходу нет. Следом ступила невеста. Она молча отдала свой грош и села на среднюю скамейку, глядя в туман ясным, отрешенным взором. Последним тяжело ступил на доски купец Гордей. Он отдал лодочнику медный грош, крикнул и устроился рядом, с удивлением разглядывая гладь Смородины, словно никогда в жизни не видел ничего прекраснее. — Плата верная, медь чистая, — юноша спрятал монеты в поясную калиту и снова взялся за тяжелое весло. Перед тем как оттолкнуться от берега, он снова в упор посмотрел на Ярину и лукаво подмигнул ей: — Ну, бывай, Яринушка. Завтра на зорьке снова увидимся. На этой реке от тоски волком взвоешь, а на тебя глянешь — и вроде как живым духом повеяло. Радомир с легким плеском погрузил весло в черную воду, оттолкнулся от берега, и лодка плавно скользнула в густой туман, унося три успокоенные души в Навий сад. Вскоре тихий скрип уключин окончательно растворился в предутренней дымке. Баюн лениво проводил взглядом исчезающую в тумане лодку, протяжно фыркнул и покосился на Ярину хитрым желтым глазом: — «Живым духом повеяло», ишь ты... Соловей речной нашелся, сейчас от сладости зубы сведет. Ты смотри, хозяйка, рот не разевай, а то глазом моргнуть не успеешь, сам тебя на тот берег без всякой платы увезет. Ярина опустила фонарь, глядя на темную, медленно затягивающуюся рябь от весел, и задумчиво нахмурилась. Слова кота ее не задели, но в голове крутилась совсем другая мысль. — Скажи, Баюн... — негромко спросила она, не отрывая взгляда от тумана. — А сам Радомир... он ведь не мертвец? Говорит складно, смеется звонко, и тепла от него вроде больше, чем от наших ночных гостей. Живой он, что ли? Кот насмешливо дернул усом, подошел к краю мостков и осторожно понюхал сырой воздух: — Живой-то живой, да наполовину. Сердце у него бьется, кровь по жилам бежит, а вот берег Яви для него закрыт. Застрял когда-то на переправе, живым в Навь сунулся за кем-то, да назад хода не нашел. Бабуся его пожалела, весла в зубы сунула. А пока ни умереть не может, ни обратно к людям вернуться. Вот и балагурит, чтобы от тоски волком не завывать. Слова Баюна легли на сердце Ярины тяжелым, холодным камнем, но вместо страха принесли щемящее чувство горького родства. Она посмотрела на свои руки, сжимавшие кованую ручку фонаря. Под ногтями все еще темнела зола от печи, кожа хранила тепло живой крови, а в груди мерно и упрямо стучало сердце. Но толку-то? «Живой, да берег Яви закрыт...» — эхом отозвалось в голове. Она ведь была точь-в-точь такой же. Не мертвая, не призрачная тень из ночных светелок, а живая девица из плоти и костей, которой больше нет места среди людей. Ее отчий дом остался где-то далеко за непроходимой чертой, младший братец вырастет и забудет ее лицо. У Радомира было тяжелое дубовое весло и река, у нее — кривобокая Избушка. Две живые души, привязанные к вечной пограничной службе. Ярина грустно усмехнулась краешком губ, впервые почувствовав, что в этой стылой бескрайней Нави она не одна. — Выходит, товарищ он мне по несчастью, — тихо обронила она, глядя,

как седой туман окончательно поглощает речную гладь. — Ни мертвым не нужен, ни живым не ровня. Оба мы тут... на перепутье застряли. Баюн внимательно посмотрел на нее снизу вверх, и в его желтых глазах на миг мелькнуло непривычное сочувствие. Но кот тут же сердито тряхнул драным ухом, прогоняя наваждение, и громко фыркнул: — Ну вот, опять запела заупоконную! Рано тебе еще о судьбинушке горевать, хозяйка. У тебя, в отличие от него, печь теплая да собеседник речистый под боком. А будешь сырость у реки разводить — сама мхом обрастешь. На-ка вот, лучше делом займись. Кот ловко подцепил когтем странную, дымчатую нить, которая серой паутиной тянулась вдоль всей тропы от самой Избушки до темной воды реки. — Ступай следом и сматывай, — велел Баюн. — Людская кручина за постояльцами тянулась, пока ты их вела. Если оставишь на тропинке хоть волосок, к ночи всякая болотная дрянь бежит лакомиться. Собирай дочиста. Ярина вздохнула, поправила сбившийся платок и осторожно взялась за нить. На ощупь она была невесомой и холодной, как предрассветный туман, а цветом походила на древесный пепел. — И что с ней делать? — тихо спросила она, наматывая первые зыбкие витки на пальцы. — Как что? Веретеном работать, — фыркнул Баюн. — Сама по себе эта тоска ядовита, сыростью дышит. А коли ссучишь ее в ровную нить покоя да отдашь печному огню, пепел тяжелой медью осядет. Вот тебе и звонкая монета, чтобы в следующий раз лодочнику за переправу платить. — Любопытно, — с легким прищуром протянула Ярина. — И когда вы с Запечником собирались мне об этом поведать? После того, как меня болотная дрянь на этой тропе сожрала бы? Вы же меня одну к Смородине собирались выставить! Баюн дернул ухом и лениво облизнул лапу: — Ты проводница или барыня на ярмарке, чтоб тебе каждую кочку наперед расписывали? В первый раз людей вела, вот мы и глядели, сообразишь ли сама по сторонам смотреть. — Признайся лучше, что из головы вон вылетело, — отрезала Ярина, подбирая тянущуюся по мху пряжу. — И у тебя, и у Запечника. Кот оскорбленно замер с поднятой лапой, а его драный хвост нервно дернулся из стороны в сторону: — Из головы? У меня?! Да я, чтоб ты знала, сказки трехсот царей наизусть помню, каждое слово в памяти держу! А тут какую-то кручину забыл? Скажешь тоже... Это проверка была. Испытание на сообразительность! И ты, между прочим, его едва не провалила, пока носом не ткнул, шла ворон считала. Ярина лишь покачала головой и тихо вздохнула. Спорить с Баюном было гиблой затеей. Этот усатый мудрец скорее проглотил бы собственный хвост, чем признал хоть малейшую оплошность. Вернувшись в избу, она не стала ложиться спать. В пограничье день был короток, а служба не терпела пустоты. По мосткам у Смородины звенели утренние слова Радомира, и мысль о том, что к следующему рассвету лодочнику снова понадобятся медные монеты, не давала покоя. — Ну чего застыла посреди горницы? — проскрипел Запечник, выметая золу из устья печи. — Гостей спровадила — берись за пряслице. Сами по себе гроши в загнетке не заводятся. Старая Яга до полудня от прялки не отходила, пальцы в кровь стирала, а ты стоишь, ворон считаешь! Ярина молча кивнула, сняла с лавки старую, потемневшую от времени резную прялку и села на широкое донце у слюдяного оконца. Она неумело привязала комок стылой туманной кудели к резной лопасти прялки. В родительском доме прясль ее толком не учили. Она неуклюже потянула пальцами клочок волокна и со всей силы крутанула тяжелое веретено из мореного дуба. Веретено с глухим стуком вырвалось из руки, подпрыгнуло на дощатом полу и покатилося под лавку, а призрачная нить с сухим шелчком лопнула. — Тьфу ты, безрукая! — Запечник даже кочергу выронил от возмущения, выглянув из-под шестка. — Кто ж так крутит?! Ты что, репу из грядки дергаешь?левой рукой тани тоненько, плавно, а правой веретено только ладошкой подкручивай, а не швыряй как камень в огород! Баюн на подоконнике даже глаза не открыл, лишь саркастично фыркнул в усы: — К вечеру ни одной монеты не будет, лодочник нас самих в залог заберет. Ярина сжала губы, полезла под лавку, достала укатившееся веретено и села обратно. Щеки пылали от досады. Она снова заправила кончик серой кудели и попыталась скрутить нить. На этот раз нить не порвалась, но пошла ужасными, уродливыми комками: то толстая как палец, то тонкая как паутинка, готовая

оборваться от малейшего вздоха. К тому же сама призрачная кудель обжигала пальцы чужой стылой болью. Стоило коснуться волокон, как в висках начинало давить: то послышится волчий вой над оврагом, то ледяная речная вода обожжет горло, то чужие слезы обожгут пальцы. От этой давящей тоски у Ярины кружилась голова, пальцы дрожали и путались. — Не борись с ней, дуреха, — неожиданно мягче проворчал Баюн, приоткрыв один желтый глаз. — Ты тоску эту не ломай, ты ее в лад укладывай. Мягче пальцами веда, словно малое дитя по головке гладишь. Спой ей что ли... Ярина шумно перевела дух. Опустила плечи, перестала судорожно цепляться за веретено и тихо, чуть слышно замурлыкала под нос простой мотивчик колыбельной, что кот пел ночью. Пальцы постепенно перестали дергаться. Левая рука научилась ровно вытягивать тонкую дымную прядь, а правая — мягко подкручивать дубовое веретено. Нить все еще ложилась неровно, с узелками и шероховатостями, но уже не рвалась, послушно наматываясь на крутящееся веретено. К полудню первое веретено наконец потяжелело. Руки у Ярины ныли от непривычной работы, плечи затекли, а кончики пальцев совсем онемели от холодной туманной пряжи. Она осторожно сняла тугой кривобокий моток нити, подошла к печи и опустила его на тлеющие угли загнетки. Печной жар жадно лизнул пряжу. Нить вспыхнула прозрачным лазурным огнем. Через миг серое волокно истаяло, и в глубине горнила, среди седого пепла, тихо звякнул новенький, увесистый медный кругляш с чуть оплывшими краями. Запечник подошел, потыкал монетку закопченным ногтем, брезгливо подул и проскрипел: — Кособокая вышла, края кривые... Ну да ладно, медь звонкая, вес держит. Сойдет для первого раза. Давай, хозяйка, не расслаживайся! Тебе до заката еще две такие смотать надо, а там еще каравай месить! Ярина вытерла пот со лба перемазанным рукавом, посмотрела на блестящую монетку и почувствовала гордость за себя. Она вернулась к прялке, села на донце и снова взялась за веретено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.